Мир приключений

Аркадий ГАЙДАР

Лесные братья

Реввоенсовет

Аркадий Петрович Гайдар

Аннотация
Аркадий Петрович Гайдар. РЕВВОЕНСОВЕТ. Повесть
I
II
III

Аннотация

Ранний вариант Р.В.С., предназначенный для взрослого читателя.

Из текста:

В настоящем издании повесть печатается с наиболее полного пермского варианта, опубликованного в газете «Звезда» в 1926 году (с 11 по 28 апреля), пятнадцатью подвалами. Издание предназначалось для взрослого читателя, а название, согласно издательскому договору, как «Реввоенсовет». Лишь в результате редакторских сокращений и переделок «РВС» стала рассказом. Печаталась повесть в Перми с черновика, впоследствии утраченного. Таким образом, уральская публикация повести как бы заменяет собою текст рукописного оригинала, дает реальное представление об уровне литературного мастерства молодого Гайдара.

Аркадий Петрович Гайдар
РЕВВОЕНСОВЕТ
Повесть

I[1]

Кругом было тихо и пусто. Раньше иногда здесь подымался дымок, когда к празднику мужики варили тайком самогонку, но теперь мужики уже перестали прятаться и производство самогонки перенесли прямо в деревню. Раньше сюда забегали ребятишки затем, чтобы побегать, погоняться друг за другом, попрятаться в изломах осевших, полуразрушенных кирпичных сараев.

Здесь было хорошо. Когда-то немцы, захватившие Украину, свозили сюда для чего-то сено и солому. Но немцев скоро прогнали красные, красных — гайдамаки, гайдамаков — петлюровцы, петлюровцев — еще кто-то, и осталось сено, наваленное огромными почерневшими копнами.

Но с тех пор, как атаман Криволоб, тот самый,

---

[1] Примечания: 1

В настоящем издании повесть печатается с наиболее полного пермского варианта, опубликованного в газете «Звезда» в 1926 году (с 11 по 28 апреля), пятнадцатью подвалами. Издание предназначалось для взрослого читателя, а название, согласно издательскому договору, как «Реввоенсовет». Лишь в результате редакторских сокращений и переделок «РВС» стала рассказом. Печаталась повесть в Перми с черновика, впоследствии утраченного. Таким образом, уральская публикация повести как бы заменяет собою текст рукописного оригинала, дает реальное представление об уровне литературного мастерства молодого Гайдара.

у которого желто-голубая лента тянулась через папаху, расстрелял здесь четверых москалей и одного еврея, пропала почему-то у ребятишек всякая охота лазить и прятаться посреди заманчивых лабиринтов, и остались одинокими полусгнившие сараи — черные, пустые пятна.

Только Димка до сих пор еще забегал сюда часто, потому что здесь как-то особенно тепло грело солнце, приятно пахла горько-сладкая полынь, да спокойно жужжали мохнатые шмели по ярко-красным головкам широко раскинувшихся лопухов.

А убитые? Так их ведь давно уже и нет — мужики свалили их в общую яму и забросали землей. А старый нищий Авдей, тот самый, которого боялся Топ и прочие маленькие ребятишки, смастерил из двух палок прочный крест и поставил его тихонько над их могилой. Никто не видел, а Димка видел. Видел, но не сказал никому, потому что об этом попросил его старик.

— Не говори только, милай… серчать будут, а как же без креста?.. Как скотина… нехорошо… тоже люди были, милай…

Димка не сказал, но удивился: во-первых, если хорошие люди, то зачем же их убили, а во-вторых, он сам слышал, как Никифор-староста говорил:

— Туда им, собакам, и дорога…

— По злобе, милай… по злобе, — прошамкал, одевая сумку, старик. — А Никифор, сынок, так и должен был сказать… так и должен… Потому мужик он обстоятельный…

И ушел Авдей. А Димка долго думал и никак не мог понять, за что «по злобе» и почему «обстоятельный» Никифор должен был называть убитых собаками, а побирушка-старик — хорошими людьми?

И не понял все-таки Димка, как это убитые одни, а правды над ними две?

* * *

В укромном углу Димка остановился и внимательно осмотрелся вокруг. Не заметив ничего подозрительного, он порылся в соломе и извлек оттуда две обоймы патронов, шомпол и заржавленный австрийский штык без ножен.

Сначала Димка изображал разведчика, то есть ползал на коленях, а в критические минуты, когда имел основание предполагать, что неприятель близок, ложился на живот и продвигался с величайшей осторожностью, высматривая подробно расположение противника. По счастливой случайности или еще почему-либо, но

только сегодня ему всегда отчаянно везло, он ухитрялся безнаказанно подползать вплотную к воображаемым вражьим постам и, преследуемый градом выстрелов из ружей и пулеметов, а иногда даже залпами батарей, возвращался в свой стан невредимым.

Потом, сообразуясь с результатами разведки, высылал в дело конницу и с визгом врубался в самую гущу репейников и чертополоха, которые геройски умирали, но даже под столь бурным натиском не обращались в бегство.

Димка ценит мужество, когда бы оно ни проявлялось, потому он забирает остатки в плен…

Подавши команду «строиться» и «стоять смирно», он обращается к захваченным с гневной речью:

— А, каиновы дети, продажные души! Против кого идете? Против своего брата рабочего и крестьянина… Генералы вам нужны да адмиралы!..

Или:

— Коммунию захотели, стервецы, свободы вам нужно, против законной власти хотите…

Это в зависимости от того, представителя какой армии изображал он в данном случае, так как для разнообразия командовал то одной, то другой по очереди…

Дальше здравый смысл и обычай тогдашней войны предписывали лучше одеть своих солдат за счет военнопленных, а потому Димка, условно обозначавший массу войск, облачался в широкие листья лопухов и победоносно шествовал домой.

Он так заигрался сегодня, что спохватился только тогда, когда зазвякали колокольчики возвращающегося стада.

«Елки-палки! — подумал огорошенный Димка. — Вот теперь мать задаст трепку… а то, пожалуй, еще и жрать не даст».

И, спрятав свое оружие, он стремительно и вприпрыжку пустился домой, раздумывая на бегу: «Что бы это такое получше соврать матери?»

Но, к величайшему своему удивлению, нагоняя он не получил и врать ему не пришлось.

Мать почти не обратила на него внимания, несмотря на то, что Димка чуть не столкнулся с ней у крыльца во дворе. Бабка звенела ключами, вынимая зачем-то старый пиджак и штаны из чулана, а Топ старательно копал щепкой ямку в куче глины.

Кто-то тихонько дернул сзади Димку за штанину.

Он обернулся — и увидел печально посматривающего мохнатого Шмеля.

— Ты что, дурак? — ласково спросил Димка и увидел вдруг, что у Шмеля здорово чем-то рассечена верхняя губа…

— Мам… Кто это? — вспыхнув, спросил Димка.

— Ах, отстань! — досадливо ответила та, отвертываясь. — Что я, присматривалась, что ли?

Но по тому, как мать быстро поняла, о чем он спрашивает, Димка почувствовал, что она говорила неправду.

— Это дядя сапогом дернул, — пояснил, оторвавшись, Топ.

— Какой еще дядя?

— Дядя, серый… он у нас в хате сидит.

— Чтобы он сдох, — с сердцем проговорил Димка, отворив дверь в избу.

На кровати валялся здоровенный детина. Рядом на лавке лежала казенная серая шинель.

— Головень! — присмотревшись, удивленно воскликнул Димка. — Ты откуда?

— Оттуда, — последовал короткий ответ.

— А ты зачем Шмеля ударил?

— Какого еще Шмеля?

— Собаку мою…

— Пусть не гавкает… А то я ей и вовсе башку сверну.

— Чтоб тебе самому кто-нибудь свернул! —

сердито ответил Димка и шмыгнул поспешно за печку, потому что рука Головня потянулась к валявшемуся тяжелому сапогу.

* * *

Димка никак не мог понять, откуда взялся Головень. Совсем еще недавно забрали его красные в солдаты, а теперь он уже опять дома. Не может быть, чтобы служба у них была такая короткая.

За ужином он не вытерпел и спросил:

— Ты в отпуск приехал?

— В отпуск.

— Вот что! — отметил удовлетворенно Димка. — Надолго?

— Надолго.

— Ты врешь, Головень! — убежденно возразил Димка. — Ни у красных, ни у белых, ни у зеленых надолго сейчас не отпускают, потому что война. Ты дезертир, наверно?..

В следующую же секунду Димка получил здоровый удар по шее, так что едва не ткнулся головой о стол.

— Зачем ребенка бьешь? — вспыхнула на Головня Димкина мать. — Нашел с кем связываться.

Головень покраснел, его большая круглая голова с оттопыренными ушами, за которую он и

получил в деревне кличку, закачалась насмешливо, и он ответил грубо:

— Помалкивайте-ка лучше… питерское отродье. Дождетесь вы, что я вас назад повыгоню…

Мать как-то сразу съежилась, осела и выругала глотающего слезы Димку:

— А ты не суйся, идол, куда не надо… а то еще и не так попадет…

После ужина Димка забился к себе в темные сени и улегся на груду сена за ящиком, укрывшись материной поддевкой. Он долго лежал, не засыпая.

Потом к нему пробрался Шмель и, положив голову на плечо возле шеи, взвизгнул тихонько…

— Что, брат, досталось сегодня, — проговорил сочувственно Димка, — не любит нас с тобой никто… Ни Димку, ни Шмельку… Да… — И он вздохнул огорченно.

Уже совсем засыпая, он почувствовал, как кто-то подошел к его постели.

— Димушка, ты не спишь?

— Нет еще, мам…

Мать помолчала немного, потом проговорила уже значительно мягче, чем днем:

— И чего ты суешься куда не надо? Знаешь ведь, какой он аспид… Все сегодня выгнать грозился.

— Уедем, мам, в Питер, к батьке.

— Господи, да я бы хоть сейчас… Да разве проедешь теперь, сынок. Ведь вокруг вон что делается…

— В Питере, мам, какие?

— Кто их знает. Говорят, что красные. А может, и врут. Разве теперь разберешь…

Димка согласился, что разобрать действительно трудно, потому что уж на что волостное село близко, а и то не поймешь, чье оно теперь. Говорили, что Козолуп его на днях занимал, а что за Козолуп, и какого он был цвета, неизвестно — зеленый, должно быть.

И он спросил у задумавшейся матери:

— Мам, а Козолуп зеленый?

— А пропади они все вместе взятые! — с сердцем ответила та. — Вот еще послал господь наказание. То все были люди как люди, а теперь поди-ка.

И она спросила у Димки, только что вспомнив:

— Слушай-ка, ты богу-то перед сном молишься?..

— Молюсь, молюсь, — поторопился он, натягивая поддевку на голову, испугавшись, как бы мать не вздумала расспрашивать дальше.

Так оно и выходит.

— Ой, врешь, — недоверчиво говорит мать. — А

ну-ка, прочитай «Ангелу хранителю»…

Димке хочется спать. Димка боится, как бы мать не узнала, что он опять спит со Шмелем, кроме того, он никак не может вспомнить первого слова.

И Димка отвечает сердито:

— Не буду, чего без толку-то…

— Как без толку, дурак?.. — вспыхнула озадаченная мать.

Но Димка и сам видит, что сболтнул лишнее, и отвечает искренне и плаксивым голосом:

— И что это, право… днем сама ругалась, бабка по башке стукнула, Головень по шеям… Ляжешь спать, и тут никакого покоя.

В голосе его чувствуется неподдельная нотка обиды, и смущенная мать оставляет его одного…

В сенцах темно, сквозь распахнутую дверь виднеются густо пересыпанное звездами темное небо и краешек светлого месяца.

Димка зарывается глубже, приготавливаясь видеть продолжение интересного, недосмотренного вчера сна, и, засыпая, он чувствует, как приятно греет шею и дышит прикорнувший к нему верный Шмель.

* * *

Высоко в синем небе плывут облака, широко по полям играет желтыми хлебами теплый ветер. Лазурно спокоен летний день. Неспокойны только люди. Где-то за темным лесом протрещали раскатистые пулеметы, где-то за краем горизонта перекликнулись глухо орудия, и куда-то промчался через деревеньку легкий кавалерийский отряд.

— Мам, с кем это?

— Отстань!

Отстал Димка, пробежал тихонько к поскотине, взобрался на одну из жердей невысокой изгороди и долго смотрел вслед исчезающим всадникам.

— Вот где жисть-то!..

— Вырасту, тоже в солдаты пойду, — охваченный воинственным задором и ерзая молодцевато по забору, решил Марьин Федька.

— Справа… по три м-а-арш!..

— А к кому, к белым либо красным?..

— Нет, — отрицательно махнул головой Федька, — в кавалерию.

— Дурак ты, — презрительно выругался Димка…

И пустился объяснять неправильность такого

подхода к вопросу. Потому что кавалерия тоже разная бывает.

Федька слушал, хлопая глазами, но, кажется, не особенно понял, потому что спросил под конец:

— А везде ли кавалерия на лошадях?

И когда получил ответ, что везде, то проговорил, успокоившись:

— Ну, тогда все равно, хоть в какую…

Головень ходил злой, как черт. Каждый раз, когда через деревеньку проходил красный отряд, он убирался из избы до тех пор, пока отряд не скрывался из глаз. И Димка решил окончательно, что Головень дезертир.

Сегодня бабка послала Димку отнести Головню на сеновал ломоть хлеба и кусок сала. Димка шмыгнул на задний двор и вместо того, чтобы забираться по лестнице, пробрался с другого конца, через выломанную доску возле курятника.

Подползая к укромному логову, он заметил, что Головень что-то мастерит, сидя к нему спиной.

«Винтовка! — удивился Димка, приглядевшись. — Вот так штука!.. Зачем она ему?»

Головень тщательно протер затвор, заткнул канал ствола тряпкой и запрятал винтовку под край крыши в сено.

Подождав с минуту, Димка присвистнул. Ему

было видно, как Головень сразу вздрогнул и обернулся с испуганным, тревожным выражением лица.

— Ты что, собака, тут лазишь! — крикнул он, разглядев Димку. И пытливо окинул взглядом, как бы желая угадать: видел что-либо сейчас Димка или нет?

— Бабка прислала, — равнодушно ответил Димка, подавая узелок. И добавил обиженно: — Хлеба с салом. А ты чего еще ругаешься?

Успокоившийся Головень послал его к черту, а так как, по мнению Димки, худшего черта, чем Головень, быть не могло, то он поспешно шмыгнул вниз по лесенке.

* * *

Весь остаток вечера и весь следующий день Димку разбирало острое любопытство посмотреть, что за винтовку принес с собой Головень, — русскую или немецкую, или еще какую? А может, там у него есть наган? При этой мысли у Димки даже дух захватило, потому что к наганам и ко всем носящим наганы он проникался невольным уважением.

И Димка вспомнил, как однажды Яшка Федотов повстречал к ночи священника отца Перламут-

рия, возвращавшегося из села после свадьбы, и попросил у него одолжить один из свиных окороков. Но батя пришел в величайшее изумление от такой странной просьбы и, сказав Яшке что-то душеспасительное, собрался было ехать дальше. Тогда Яшка-вор сделал попытку овладеть окороком помимо всякого разрешения.

— А, яко тать в нощи на мя дерзаешь! — рассвирепев, взвопил отец Перламутрий. И будучи не обделен от господа дородством и силою, собирался хватить неразумного и заблудшего человека дрючком по голове. Но тут в темноте тихонько — щелк! В следующую же минуту отец Перламутрий, нахлестывая конягу, катил во весь дух, а Яшка-вор с окороком хохотал на дороге. Впоследствии он клялся и божился, что, кроме захлопывающейся медной табакерки, у него ничего не было.

Такова была сила и выразительность металлического нагановского языка в то время.

Неудивительно после этого, что с первой же минуты Димка почувствовал сильное и непреодолимое желание побывать на сеновале.

Как раз к тому времени утихло все кругом. Прогнали красные из волостного села Козолупа и ушли дальше на какой-то фронт. Тихо и безлюдно

стало снова в глухой деревеньке, и Головень стал свободно покидать сеновал и исчезать где-то подолгу. И вот как-то под вечер, когда лягушиными песнями запевал порозовевший пруд, когда гибкие ласточки заскользили по воздуху, играя, и когда беспокойно зажужжала мошкара, танцуя кучками, заметив, что Головня дома нет, Димка пробрался на задний двор, твердо намереваясь проникнуть на сеновал. Дверка была заперта на замок, но у Димки был свой ход через курятник.

Громко скрипнула отодвигаемая доска, предательски заклокотали потревоженные куры, и, испугавшись произведенного шума, Димка быстро юркнул наверх. На сеновале было полутемно, душно и тихо. Он пробрался в самый конец за поворотом и принялся шарить по сену под крышей.

Через несколько минут тщательного поиска рука его наткнулась на что-то твердое.

«Винтовка, — решил Димка. И подумал с опаской: — Вытащить или нет?..»

Но кругом было спокойно, даже со двора не доносилось никакого шума. Он осторожно потянул за приклад и скоро вытащил всю. Пошарил рукой еще — нашел патронташ с блестящими обоймами. Нагана не нашел.

Винтовка была русская. Димка долго вертел ее, осторожно ощупывая и рассматривая.

«А что, если открыть затвор?» — мелькнула у него мысль.

Сам он никогда не открывал, но видел часто, как это делают солдаты. Тихонько потянул рукоятку вверх — подается, потом отодвинул ее осторожно на себя до отказа.

— Умно! — горделиво оценил Димка. Но тут же заметил под затвором желтоватый, вынырнувший откуда-то патрон.

«Ну, к черту, — подумал Димка, — закрою-ка я обратно». — И он стал толкать рукоятку вперед.

Теперь она пошла уже значительно туже, и, к своему величайшему ужасу, Димка заметил, что желтый патрон движется прямо в канал ствола.

Он остановился в нерешительности и отодвинул даже от себя винтовку: «И куда лезет, черт?»

Однако надо было торопиться. С большой осторожностью закрыв затвор, стал потихоньку толкать винтовку на место. Он затолкал ее почти что всю, как вдруг до его слуха донесся какой-то шум, как будто кто-то лязгнул ключом по замку и негромко кашлянул.

«Головень!» — в страхе подумал оцепеневший Димка.

Дверь скрипнула, распахнулась, и прямо перед ним показалось удивленное и рассерженное лицо Головня.

— Что ты, собака, здесь делаешь? — спросил, не отходя от двери, тот.

— Ничего! — побледнел от испуга Димка. — Я спал… — И незаметно ногой двинул предательски выглядывающий в сене приклад. В ту же минуту, точно тяжелый и внезапный удар по голове, грохнул глухой, но сильный выстрел.

Димка чуть не сшиб Головня с лестницы, бросился прямо сверху на землю и, преследуемый по пятам, пустился через огород, ничего не соображая и не различая.

Перескочив через плетень возле дороги, он оступился в канаву и здорово грохнулся, но, невзирая на боль, вскочил снова и сейчас же почувствовал, что настигнувший его рассвирепевший Головень крепко впился пальцами в рубаху.

«Пропал! — подумал Димка. — Ни мамки, никого — убьет теперь». — И, получив сильный удар, от которого черная полоса поползла в глазах, он упал на землю и съежился, приготовившись получить еще и еще. Но ни другого, ни третьего не последовало. Отчего-то застучала дорога ударами, почему-то разжалась рука Головня, и кто-то

крикнул гневно и повелительно:

— Не сметь!

Открыв глаза, Димка увидел сначала лошадиные ноги… Целый забор лошадиных ног.

Кто-то сильными руками поднял его за плечи и поставил на землю. Только теперь Димка рассмотрел окружавших его кавалеристов и всадника в черном костюме с красной звездой на груди, перед которым растерянно стоял Головень.

— Не сметь! — повторил незнакомец. И, взглянув на заплаканное лицо Димки, добавил мягко: — Не плачь, мальчуган, и не бойся. Больше он не тронет ни сейчас, ни после, — и кивнул головой одному из сопровождающих.

Отряд рысью помчался вперед.

Остался один и спросил строго у Головня:

— Ты кто такой?

— Здешний, — хмуро ответил Головень.

— Почему не в армии?

— Год не вышел.

— Фамилия? — коротко спросил тот. — На обратном пути проверим.

И ударил шпорами кавалерист, — прыгнула лошадь с места в галоп, — и легко умчался вперед.

Убежал с ругательством и Головень, а на дороге остался один недоумевающий и не опомнивший-

ся еще как следует Димка.

Посмотрел он назад — нет никого.

Посмотрел по сторонам — нет Головня.

Посмотрел вперед и увидел, как чернеет точкой и мчится, исчезая у закатистого горизонта, черный незнакомец и его отряд.

II

Высохли на глазах слезы, утихла понемногу боль в спине. Но домой Димка идти еще не решался, — подумал, что нужно обождать до ночи, когда Головень ляжет спать.

Потихоньку направился к речке. Темная и спокойная у берегов под кустами, вода на середине отсвечивала розовым блеском, играла тихими всплесками, перекатываясь через мелкое, каменистое дно.

На том берегу, возле опушки Никольского леса, заблестел тускло огонек костра. Почему-то он показался Димке очень далеким и заманчиво-загадочным. «Кто бы это? — подумал он. — Пастухи разве?.. А может, и бандиты… ужин варят… картошку с салом или еще что такое…»

Ему здорово захотелось есть. И Димка пожалел искренне, что он не бандит.

В сумерках огонек разгорался ярче и ярче, приветливо мигая издалека Димке. И еще глубже хмурился, темнел в сумерках беспокойный Никольский лес.

Спускаясь по тропке, Димка вдруг остановился,

услышав что-то интересное. За поворотом, у берега, кто-то пел высоким искусно переливающимся альтом, как-то странно, хотя и красиво разбивая по слогам слова:

Та-ваа-рищи, та-ва-рищи, —
Сказал он им в ответ, —
Да здра-вству-ит Россия!
Да здра-вству-ит Совет…

«А, чтоб тебе! — с невольным восхищением подумал Димка. — Вот наяривает!» — И бегом пустился вниз.

На берегу он увидел невысокого худенького мальчугана, валявшегося возле брошенной на траву небольшой сумки. Заслышав шаги, тот повернулся, оборвал песню и посмотрел с опаской на направляющегося к нему Димку:

— Ты чего?

— Ничего… Так!

— А! — протянул вполне удовлетворенный мальчуган. — Драться не будешь?

— Чего?

— Драться, говорю, а то смотри, я даром что маленький, а так отошью!

Димка, больше чем кто-либо не имевший никакого желания драться, поспешил в этом уверить

мальчугана и спросил его в свою очередь:

— Это ты пел?

— Я.

— А ты кто?

— Я — Жиган, — горделиво ответил тот. — Жиган из города, прозвище у меня такое.

Димка с размаху бросился на траву и, заметив, как тот испуганно отодвинулся сразу, ответил, усмехаясь:

— Барахло ты, а не Жиган, разве такие жиганы[2] бывают? А вот поёшь ты здорово…

Жиган хотел было сначала обидеться, но последняя фраза весьма польстила ему, и он самодовольно стал рассказывать Димке:

— Я, брат, всякие знаю. На станциях, по эшелонам завсегда пел. Все равно хуть красным, хуть петлюровцам, хуть кому… Если товарищам, скажем, тогда «Алеша-ша» или «Лазарет». Белым, так тут надо другое: «Раньше были денежки, были и бумажки», «Погибла Россия», ну, а потом «Яблочко». Его, конешно, на обе стороны можно, слова только переставлять нужно…

С минуту посидели молча.

---

[2] Примечания: 2

Устаревшее ныне слово «жиган» означало в то время «вор, налетчик». Но это ничего общего не имело с кличкой Жиган. Гайдар использовал его в повести как один из многих элементов иронии.

— А ты зачем сюда пришел? — спросил с любопытством Димка.

— Крестная у меня тут, бабка Онуфриха, — такая стерва, ешь ее пес. Я пришел, думал отожраться малость, хоть с месяц. Куды там, насилу-насилу в дом-то пустила. «Чтобы, говорит, через неделю и духу твово тут не было. Какой ты мне, к черту, крестник!..»

И Жиган вздохнул искренне.

Димку с матерью и Топом Головень тоже все время грозился выгнать из дома, а потому он невольно почувствовал некоторую внутреннюю связь между собой и Жиганом и спросил участливо:

— А потом ты куда?

— Куда-нибудь, где лучше.

— А где?

— Кабы знал, тогда что… найтить надо.

Стало совсем темно, что-то плеснуло в воде негромко, и затихла речка снова.

— Рыба, — проговорил Жиган.

— Лягва, — отозвался Димка, — рыбы ни черта не осталось. В прошлый месяц солдаты всю бомбами поглушили. Во-о-о какие выплывали!.. У нас тогда двое щуку жарили… Вкусная!

Воспоминание о еде заставило обоих вспом-

нить о своих пустых желудках. Поднялись и пошли тропкой к огородам. У плетня остановились.

— Приходи завтра к утру на речку, Жиган, — предложил Димка.

— Приду.

— Раков по норьям ловить будем…

— Не врешь?..

— Ей-богу, право!

Весьма довольный Димка перескочил через плетень.

Тихонько пробрался на темный двор, где заметил сидящую на крыльце мать. Он подошел к ней и, осторожно дернув за рукав, сказал серьезно:

— Ты, мам, не ругайся. Я нарочно долго не шел, потому Головень меня здорово избил…

— Мало тебе еще, — ответила она, оборачиваясь.

Но Димка слышал все — слова обиды, и горечь, и участливое сожаление, но только не гнев…

— Мам, — заглянул он ей в глаза, — я жрать хочу как собака, и неужто ты мне ничего не оставила?..

* * *

Пришел как-то к заброшенным сараям Димка печальный-печальный.

— Убежим, Жиган! — предложил он после некоторого молчания. — Закатимся куда-нибудь отсюда подальше…

Жиган посмотрел на него удивленно и спросил недоверчиво.

— Тебя мать пустит?

— Ты дурак, Жиган! Когда убегают, тогда никого не спрашивают… Головень злой, как аспид… Из-за меня мамку гонит и Топа тоже…

— Какого Топа?

— Братишку меньшого… Топает он чудно, когда ходит, ну вот и прозвали… Да и так надоело дома.

— Убежим, — охваченный этой мыслью, оживленно заговорил Жиган. — Мне, брат, что не бежать? Хоть сейчас… По эшелонам собирать будем.

— Как собирать?

— А так, спою я что-нибудь, потом скажу: «Всем товарищам нижайшее почтенье, чтобы были вам не фронты, а одно наслаждение, получать хлеба по два фунта, табаку по три осьмушки, не попа-

даться на дороге ни пулемету, ни пушке». Тут, как зачнут смеяться, снять сей же момент шапку и сказать: «Граждане, будьте добры, оплатите детские труды»…

Димка удивился легкости и уверенности, с какой Жиган выбрасывал эти фразы, но самый способ существования ему не особенно понравился, и он высказал пожелание, что гораздо лучше бы вступить добровольцами в какой-нибудь отряд, организовать собственный, уйти в бандиты, в партизаны и вообще сделать что-нибудь такое… более современное. Жиган особенно не возражал, и даже наоборот, когда в течение дальнейшего разговора Димка благосклонно отозвался о красных, потому что они за революцию, он вспомнил, что служил раньше у красных.

Димка посмотрел на него уже с некоторым удивлением и сказал, что ничего и у зеленых, потому что гусей они жрут много. Дополнительно тут же выяснилось, что Жиган бывал и у зеленых, и получал регулярно свою порцию: по полгуся в день. Это заставило Димку проникнуться к нему невольным уважением, и он добавил, что все-таки лучше всего, пожалуй, у коричневых…

Но едва и тут начало что-то выясняться, как Димка обругал Жигана хвастуном и треплом,

ибо всякому было хорошо известно, что коричневый — один из тех немногих цветов, под которым не было отрядов ни у революции, ни у контрреволюции, и ни у тех, кто между ними.

План побега разрабатывали долго и тщательно. Предложение Жигана утечь сейчас же, не заходя даже домой, было решительно отвергнуто.

— Перво-наперво жратвы надо хоть для начала захватить, — заявил Димка, — а то что же ты? Как из дома выйдешь, так сразу и по соседям? А потом спичек надо… хоть сколько-нибудь.

— Котелок бы хорошо… В нем всякую вещь мастерить можно. Картошки в поле натырил, вот тебе и обед!

Димка вспомнил, что Головень принес с собой хороший медный котелок. Его еще бабка начищала золой и, когда он заблестел, как праздничный самовар, спрятала в чулан.

— Свистнуть можно…

— Заперто… а ключ сроду с собой носит.

— Ничего! — уверенно проговорил Жиган. — Из-под всякого запора можно при случае. Повадка только нужна.

Решено было теперь же начать запасать понемногу провизию. И прятать по вечерам в солому у кирпичных сараев.

— Зачем у сараев? — неохотно спросил Жиган. — Можно еще куда-нибудь. А то рядом с мертвыми!

— А что тебе мертвые?

— Ничего, а все же… Знаешь историю про кузнеца Егора и про Парфена Косого?.. Нет. Ну так помалкивай. А я, как со спекулянтами ехал, под лавкой сидел и до самой точки все слышал. А была такая история. Показал мельник Парфен на Егора да еще на двоих, что они с партизанами путались… Повели их немцы вечером, да к ночи и постреляли, и пошли себе дальше, потому в одеже ихней не нуждались, — обмундировка на самих была справная… А Парфен сидит дома и думает: пошто мануфактуре пропадать, ежели что не очень испоганено, пригодиться по хозяйству может. Ждали, ждали дома бабы — не идет Парфен… А самим пойти — боязно… Под утро пошли с мужиками, смотрят — лежат двое совсем раздетые, белье рядом, в узелках. А над кузнецом Парфен, наклонившись, пиджак, видно, расстегивал. Да так и сдох… потому тот ему в шею лапами, как клещами, впился, да так и не разжал… до смерти…

Рассказ, по-видимому, произвел сильное впечатление, потому что Димка подобрал салазками

ноги, свесившиеся над водою речки, и обернулся назад для чего-то…

— А может, он живой еще тогда был? — высказал предположение Димка, немного подумав.

— Это всяко понимать можно… только навряд… После немцев не оживешь, пуля у них тяжелая…

Однако на следующее же утро Димка настоял все-таки на своем предложении. Когда солнце так ласково пригревало поросшие полынью бугорки, когда воробьи так беспечно чирикали, вылетая из-под соломы крыш, растаяли все страхи, навеянные вечерним рассказом. Кроме того, они вспомнили, что раздевать они никого не собираются, что было все это давным-давно, чуть ли не с год тому назад, — заросли даже могилы густыми клочьями бурьяна.

И в этот день Димка впервые притащил к условленному месту небольшой ломоть сала, а Жиган — тщательно завернутые в бумажку три серные спички.

— Нельзя помногу, — объяснил он. — У Онуфрихи всего две коробки, так надо, чтоб незаметно…

И тогда побег был предрешен окончательно.

* * *

А везде беспокойно бурлила жизнь. Недалеко проходил большой фронт, еще ближе — несколько второстепенных, поменьше. Кругом по селам гонялись то банды за красноармейцами, то красноармейцы за бандами и дрались меж собой.

Крепок атаман Козолуп. У него морщина поперек упрямого лба залегла изломом, и глаза из-под седоватых бровей смотрят тяжело. Второй год нет на него ничьей управы. Первая по силе была у него ватага, первою среди мелких других и осталась.

Хитер, как черт, атаман Левка. У него и конь смеется, оскаливая белые зубы так же, как он сам, и прыгает с места в галоп, изгибаясь, как кошка. Жох-атаман! Но с тех пор, когда отбился он из-под начала Козолупа, с тех пор, когда переманил от того всех гайдуков и забубённых прощелыг, которые помоложе, — сначала глухая, а потом и открытая вражда пошла меж атаманами.

Написал Козолуп приказ поселянам: «Не давать Левке ни сала для людей, ни сена для коней, ни хат для ночлегов».

Засмеялся Левка. Написал приказ, чтобы не гулять девкам с козолуповцами, не стряпать бабам

для них хлеба и не слушать мужикам приказов Козолупа.

Прочитали красные оба приказа. Написали третий: «Считать Козолупа и Левку вне закона». И все. А много им расписывать было некогда, потому что здорово гнулся у них главный фронт.

И пошло тут что-то такое, чего и не разберешь. На что уж старый дед Захарий, который на трех войнах был и всякое, что только возможно, видел. Так и тот, сидя на крыльце возле собаки, которой пьяный петлюровец шашкой ухо отрубил, говорил с печальным удивлением:

— О це ж времечко, о то да!

Приезжали сегодня в деревеньку зеленые, человек двадцать. Заходили двое и в Димкину хату, гоготали весело с Головнем о чем-то, пили чашками мутный и терпкий самогон. Димка смотрел из-за печки с любопытством. И в окошке видно было ему, как сидел верхом на соломенной крыше наблюдатель и смотрел не в поле, а на улицу, покрикивая Пелагеевой Маньке:

— Иди сюда, иди сюда, гарнусенька… А, не идешь, сукина дочь, вот я до тебя слизу…

Но не слез, однако, потому что из-за ворот вышел другой, должно, старший, и крикнул сердито:

— О, то я ж тебе слизу, бабник… — И, заметив испуганную Маньку, сказал успокаивающе:

— Та не бойся же, кралечка, идем до дому… — И тихонько пхнул ее пальцем в грудь.

Когда они ушли, Димка, которому давно хотелось узнать вкус самогонки, подошел к столу и из бутылки налил несколько недопитых капель…

— Димка, а мне? — плаксиво заканючил наблюдавший Топ. — А мне?..

— Оставлю, оставлю! — И Димка опрокинул чашку в рот.

В следующую же секунду, отчаянно отплевываясь и разбив чашку, он вылетел на глазах у удивленного Топа из двери.

Возле сараев он застал взволнованного чем-то Жигана.

— Ты что так долго? А я, брат, штуку знаю…

— Какую? — заинтересовался Димка.

— У нас возле хаты яму вырыли длинную поперек дороги.

— Зачем?

— А черт их знает зачем. Может, окоп?

— Нет, мелкая больно. Должно, чтоб не ездил никто…

— Как же можно не ездить? — с сомнением покачал головой Димка. — Тут, брат, штука… И

зеленые чего-то торчат, и ямы какие-то роют. Уж не затевают ли чего?

Подумали немного, но ничего не угадали все-таки.

Потом пошли осматривать свои запасы, спрятанные в соломе у проломанной стены осевшего темного сарая. Их было еще немного: два небольших куска сала, краюха сухого хлеба и с десяток спичек. Димка прибавил туда еще тройку и, к великому разочарованию умильно помахивающего хвостом Шмеля, уложил все снова обратно.

* * *

В тот вечер солнце огромным красноватым кругом повисло над горизонтом у Надеждинских полей и заходило понемногу, не торопясь, точно любуясь широким покоем отдыхающей земли.

Далеко в Ольховке, приткнувшейся к опушке Никольского леса, ударил несколько раз колокол. Но не тревожным набатом, как часто, а так просто, мягко-мягко… И когда густые дрожащие звуки мимо соломенных крыш белых хаток дошли до единственного уха старого деда Захария, подивился он немного давно не слыханному спокойному звону. Перекрестившись неторопливо, дед крепко сел на свое покосившееся крылечко.

А когда сел, то подумал: «Какой же это завтра праздник будет?» Да так и не решил, потому что престольный в Ольховке уже был, а Спасу — еще рано. И спросил Захарий, постучавши палкой в окошко, у выглянувшей оттуда старушки:

— Горпина, а Горпина, чи завтра у нас воскресенье будет?

— Что ты, старый! — недовольно ответила перепачканная в муке Горпина. — Иде ж после середы воскресенье бувае?

— О то ж и я так думаю…

И покачал головой дед Захарий, что не напрасно ли он крест на лоб наложил и не худой ли это какой звон.

Набежал ветерок наскоком, чуть колыхнул седую бороду, и увидел дед, как высунулись чего-то любопытные бабы из окошек, выкатились ребятишки из-за ворот, и донесся с поля какой-то протяжный и странный звук, как будто бы заревел бык либо корова в стаде, только резче и дольше:

— У-о-уу-ууу…

А потом вдруг как хрястнуло по воздуху, как забухали подле поскотины выстрелы.

Захлопнулись разом окошки, исчезли с улиц ребятишки. Хотел встать скорей до дому старик,

да не слушались ноги. И опомнился он только тогда, когда закричала сердито с крыльца Горпина:

— Иди же, старый дурак, до дому! Чего расселся, чи не бачишь, що воно зачинается!

А у Димки колотилось сердце такими же, как выстрелы, нервными перебоями, и хотелось ему бежать посмотреть на улицу, узнать, что там такое. И было страшно, потому что побледнела мать сильно… и сказала как-то не своим, тихим голосом:

— Ложись… ложись на пол, Димушка.

И уложивши их с Топом возле стола, добавила со страхом:

— Господи, хоть бы из пушек не зачали!

У Топа глаза сделались большие-большие, и он застыл на полу, положив голову возле ножки стола. Но лежать так ему было неудобно, и он захныкал:

— Я не хочу лежать на полу… я к бабке на печку.

— Лежи, лежи! — ответила мать. — А то вот придет гайдамак… он тебя…

Что-то особенно здорово грохнуло, так что звякнули стекла у окошек, и показалось Димке, что дрогнул пол… «Бомбы бросают!» — подумал он… Мимо темных окон с топотом, криками пронес-

лось несколько человек. Потом все стихло.

Прошло еще с полчаса… Кто-то застучал в сенцах и выругался, наткнувшись в темноте на пустые ведра. Распахнулась дверь, и, к своему великому удивлению, Димка увидел Головня, снимающего с руки винтовку. Он был чем-то сильно раздосадован, потому что, выпив залпом целый ковш воды, толкнул ружье в угол и сказал с сильной досадой:

— Ах, чтоб ему!..

* * *

Утром встретились ребята рано-рано.

— Жиган, — спросил Димка с нетерпением, — ты не знаешь, отчего вчера… С кем это?..

У Жигана юркие глаза блеснули самодовольно, и, сжимая в кулаки худенькие длинные руки, он ответил важно:

— О, брат, было у нас вчера дело…

— Ты не ври только! — сразу же оборвал его Димка. — Ведь я видел, что ты тоже домой припустился, когда стрелять зачали.

Жиган немного обиделся и добавил недовольно:

— А ты почем знаешь? Может, я огородами опять вернулся.

Димка сильно усомнился и в этом, но перебивать не стал.

— Машина вчера из города ехала, в Ольховке ей починка была. А зеленые засаду устроили, на то и яму поперек дороги вырыли… Как она оправилась и выехала, ольховский дьякон Гаврила в колокол: бум!.. — сигнал, значит…

— Ну?

— Ну, вот и ну… Подъехала к ямам, тут по ней и начали пулями садить. Она было назад хотела, глядь — а поскотину запер уже кто-то…

— И поймали кого?

— Нет. Оттуда такую стрельбу подняли, никак не подойти… Потом уж, как видят, что конец делу, — врассыпную… Постреляли только всех. А один убег. Бомбу бросил рядышком с Онуфрихиной хатой, у ней аж стекла все полопались… По нем из ружей кроют, за ним гонятся, а он ширк через плетень, через огород, да так и утек.

— И не нашли?

— Нету… За речку, должно, убег…

— А машина?

— Машина и сейчас тут, только негодная совсем, потому как один в нее гранатой запустил. Всю искорежило. Я уж бегал… Федька Марьин допреж меня еще поспел. Гудок стырил, здоро-

вый — нажмешь резину, а он как завоет…

Весь день только и было разговоров о вчерашнем происшествии. Зеленые еще ночью ускакали, и вновь осталась без власти маленькая украинская деревушка.

Собирались мужики кучами и говорили промеж себя с опаской:

— О, не пройдет уж это нам даром, ей-богу.

— Придут другий раз красные, побачут, що самопер возле наших хат стоит… А, скажут, такие-сякие, це ж вы наробили… Поспаляют зраз хаты…

Наконец порешили за лучшее убитых закопать поглубже в яму. Никифор Егоров, он же председатель при красных, он же староста при белых, нарядил пару волов и велел отвезти остатки машины и бросить где-либо подальше от деревеньки, посредь дороги.

А Федькин отец, изловив сынишку, всыпал ему здорово и отобрал сигнальный гудок, посмотрел с любопытством на мягкий резиновый шар, на блестящую трубку и подумал: «Не может ли эта штука пригодиться по хозяйству?» Но все-таки использовать ее не решился, побоялся, как бы не попасть из-за этого к ответу, и, не без сожаления, забросил гудок далеко, в самую середину реки.

У Димки с Жиганом приготовления к побегу подходили к концу. Оставалось теперь самое главное — спереть котелок. Это сделать было бы очень трудно, если бы Жиган не догадался предложить выудить его через узенькое окошко, выходящее в огород, при помощи длинной палки с насаженным на нее гвоздем. На следующий же день, после обеда, палка с крюком была готова и запрятана между грядок с огурцами.

На сегодня пока дела больше не было. Но Димке не сиделось на месте, и, когда Жиган отправился обедать, он решил отправиться со Шмелем к сараю. Перескочил легко Димка через плетень, нырнул Шмель в знакомую ему дыру, и через несколько минут они уже подходили к своему укромному логову.

Завалился было сразу на солому и, опрокинувшись на спину, начал баловаться с яростно атакующим его голову Шмелем. Но встретился невзначай с чьим-то взглядом и привстал, немного удивленный. Ему показалось, что снопы у стенки немного сдвинуты и расположены как-то не совсем так, как вчера, «Неужели из ребят тоже кто-нибудь здесь лазил? — мелькнуло сразу подозрение. — Ах, черти!..»

Он подошел ближе, чтобы проверить, не от-

крыл ли кто-нибудь спрятанную провизию. Пошарил рукой под крышей — нет, тут!..

Стал вытаскивать все. Выудил два куска сала, ковригу хлеба, спички и сунул руку за куском вареного мяса. Пошарил тут, пошарил там — нету.

«Ах, ты, стерва! — подумал он, начиная догадываться. — Это не иначе, как Жиган сожрал… Если из ребят кто, так те бы все сразу».

Он запрятал все обратно и, сильно рассерженный, стал поджидать.

Вскоре показался и Жиган. Он только что пообедал и был в самом хорошем расположении духа. Подходил неторопливо, засунув пальцы в рот и насвистывая.

— Ты мясо сожрал? — без обиняков насел Димка, уставив на него исподлобья недоверчивый взгляд.

— Жрал! — ответил тот, вспоминая об этом, видно, с большим удовольствием. — Вкусно…

— Вкусно! — наступал на него рассерженный Димка. — А тебе кто позволил? А где такой уговор был? А что на дорогу останется? Я тебя вот тресну по башке, так ты будешь знать…

Совершенно не ожидая такого нападения, Жиган опешил:

— Так это же я дома, за обедом… Онуфриха ку-

сок из щей вынула, боль-шой…

— А отсюда кто спер?

— Я не знаю, — опешил Жиган, остановившись на месте и замотав усиленно головой.

— Побожись…

— Ей-богу! Вот чтоб мне провалиться, чтоб сдохнуть сей же секунд, ежели брал.

Но потому, что Жиган не провалился и не сдох «сей же секунд», и кроме того, он отрицал с необыкновенной горячностью возведенное на него обвинение, Димка подумал в виде исключения на этот раз, что Жиган не врет. А так как кусок мяса не мог сам себя съесть, то нужно же было отыскать виновника. И глаза Димки скользнули куда-то вниз и остановились испытующе и строго.

— Шмель, — позвал он, протягивая руку к валяющейся хворостине. — А ну, поди сюда, сукин сын, поди сюда, дрянь ты эдакая!

Но Шмель ужасно не любил, когда с ним разговаривали таким тоном. Он бросил теребить жгут из соломы, опустил хвост и сразу же направился в другой конец сарая.

— Он сожрал, — с негодованием заявил Жиган. — Чтоб ему лопнуть было. И кусок-то какой здоровый…

Перепрятали все теперь повыше, заложили обломком доски и привалили кирпичом.

Потом лежали долго, рисуя заманчивые картины будущей жизни.

— В лесу ночевать возле костра хорошо…

— Темно ночью только, — с некоторым сожалением заметил Жиган.

— А что темно? У нас ружья будут…

— А если поубивают… Я, брат, не люблю, чтобы убивали…

— И я тоже, — откровенно сознался Димка. — А то что, в яме, вон как эти. — И он мотнул головой в сторону покрывшегося креста, чуть-чуть вырисовывающегося из-за густых сумерек.

При этом напоминании Жиган съежился и почувствовал, что в вечернем воздухе стало вдруг как бы прохладней. Но, желая показаться молодцом, он ответил равнодушно:

— Да, брат… А у нас была один раз штука…

И оборвался, потому что Шмель, давно улегшийся в ногах у Димки, поднял голову и, насторожившись, заворчал предостерегающе и сердито.

— Ты что? Что ты, Шмелек?.. — спросил его Димка и погладил по голове. Тот замолчал и положил голову между лап.

— Крысу чует, — почему-то шепотом заговорил

Жиган и, притворно зевнув, сплюнул: — Домой надо идти, Димка.

— Сейчас пойдем. А какая у вас была штука?

Но Жигану было уже не до штуки, да кроме того то, что он собрался соврать, вылетело у него из головы.

— Ну, пойдем, — согласился Димка. Ему и самому сильно захотелось удрать вдруг подальше отсюда.

Встали… Шмель поднялся, но не пошел сразу за ними, а остановился возле соломы, тревожно заворчал снова, как будто его дразнил кто-то в темноте…

— Крысу чует! — сказал теперь Димка.

— Крысу? — каким-то подавленным голосом повторил Жиган. — А только чего это раньше он их не чуял?

И добавил негромко.

— Холодно что-то… Давай, Димка, пойдем скорее домой…

* * *

— А большевик, что убег, где-либо подле деревни недалеко, — встретил Жиган на следующий день Димку.

— Откуда ты знаешь?

— Так, думаю. У старой Горпины рубашка дедова в тот день с плетня пропала, а меня Онуфриха сегодня за солью к ней послала — в долг чтоб полчашки… Я в сенцах слышу — ругается шибко Горпина, и не сунулся сразу, потому, думаю, не даст еще со злости. Слушаю, а она и говорит: «И бросил какой-то паскуда под жерди, пес ее знае, чи собак резал. Я побачила, а вона ж прорвана, хиба трошки, а то вся как есть»… А дед Захарий слушал-слушал, а потом и говорит: «О, Горпина…»

Жиган многозначительно посмотрел на вслушивающегося внимательно Димку и, только когда тот нетерпеливо занукал, начал снова:

— А дед Захарий и говорит: «О, Горпина! Да ты сховай язык покрепче. Здается мне, що не собак тут резали»… Тут я вошел в хату, а на лавке рубашка, и от нее рукав оторван вовсе, и нету его, а по всей-то ей пятна от крови большие… И как вошел я, села на нее сей же секунд Горпина и говорит: «А подай ему, дед, с полчашки», — а сама так и не встала. Мне што, когда я все равно видел.

— Ну, а причем же тут большевик? — начал было Димка.

— Чудной ты!.. Да это не иначе, как его одежа… А далеко убежать он не мог, потому как раненый.

Значит, тут где-либо.

Замолчали оба, переваривая в головах такую захватывающую новость. У Димки глаза прищурились, уставившись неподвижно в одну точку, а у Жигана заблестели и забегали юрко по сторонам.

И сказал Димка, подумав:

— Вот что, Жиган, молчи лучше и ты. Много и так поубивали у нас красных возле деревни, и все поодиночке.

И пообещал Жиган молчать…

Сегодня вечером должны были окончательно закончиться сборы — завтра на рассвете нужно пуститься в путь.

Весь день провел Димка как в лихорадке, разбил нечаянно блюдечко, наступил на хвост Шмелю и в довершение всего чуть не сбил с ног бабку, вышибив у нее из рук крынку с молоком, за что получил от Головня хорошую оплеуху. Но не опечалился на этот раз особенно, а только подумал с досадой: «Кабы за раз настукать, сколько меня ж все это время, так, кажись, не только сам Головень, а бык сдох бы. Дезертир чертов… Мало что дезертир, бандит еще. Откуда он с винтовкой в тот день вернулся?»

* * *

А время шло час за часом. Прошел полдень, обед, наступал вечер. Было решено пробраться в огород и, спрятавшись за бузиной, густо разросшейся в углу, выжидать наиболее благоприятный момент для похищения котелка. Димка и раньше прятался там часто, но то бывало как-то просто и неинтересно… А сегодня даже дух захватывало.

Засели они рановато, и долго еще через двор проходил то один, то другой. Наконец прошел в хату Головень, позвали Топа.

На крыльцо вышла мать и, оглядевшись по сторонам, закричала:

— Димка, Дим-ка!.. Где ты, паршивец, делся?

«Ужинать!» — догадался Димка, но откликнуться, конечно, даже и не подумал.

Мать постояла на крыльце еще немного, потом выругалась и ушла. На дворе стало темно. Подождали минут пять…

— Идем, Жиган!

Крадучись, вышли, или, вернее, выползли.

Возле деревянной стенки чулана остановились.

До окошка было довольно высоко. Димка встал, упершись рукой в колено, а Жиган, как более

гибкий, забрался к нему на спину и осторожно стал просовывать палку с гвоздем в окошко.

В чулане темно, он никак не мог зацепить крючком котелок, так что Димка изругался даже.

— Скорей ты, черт! Что у меня спина, забор, что ли?

— Темно больно, — шепотом ответил Жиган и, с трудом зацепив поблескивающий котелок, потащил его к себе. — Есть! — соскочил с Димкиной спины Жиган.

— Жиган! — удивился Димка, заметив у него в руке еще что-то. — А где ты колбасу взял?

— Тут висела рядышком… Бежим скорей!

И они проворно юркнули в сторону… Возле огорода Димка вспомнил, что впопыхах они оставили палку с крюком прислоненной к чулану, и решил вернуться, чтобы захватить ее с собой. Быстро пробравшись обратно, он схватил ее и хотел бежать, как вдруг увидел просунутую в дыру плетня голову Топа, любопытно смотревшего на него.

Димка, с палкой в одной руке и с колбасой в другой, так растерялся в первую секунду, что пришел в себя только тогда, когда Топ спросил его серьезно:

— Ты зачем колбасу стащил?

— Это… Это не стащил. Топ… Это надо, — поспешно ответил, подходя к нему, Димка. — Это воробушков кормить… Ты любишь, Топ, воробушков?.. Чирик-чирик!.. Ты не говори только. Не скажешь? Я тебе гвоздь завтра дам, здоровый…

— Воробушков? — так же серьезно переспросил Топ.

— Да-да! Вот ей-богу!.. У них нет… Бе-едные!

— И гвоздь дашь?

— И гвоздь дам… Ты не скажешь, Топ? А то не дам гвоздя и со Шмелькой играть не дам.

И, получив обещание Топа молчать, но все-таки про себя сильно сомневаясь в этом, Димка помчался к Жигану.

Сумерки наступали торопливо и, когда ребята добежали до сарая, чтобы спрятать котелок и злополучную колбасу, стало почти темно.

— Прячь скорее…

— Давай! — Жиган полез вверх, на солому, и скользнул под крышу. — Димка, тут темно, — тревожно слышалось через переборку. — Я не найду ничего.

— А, дурной, врешь ты, что не найдешь! Боишься, видно? — бросил Димка и полез в дыру тоже… В потемках он нащупал руку Жигана и, к своему удивлению, заметил, что она сильно и

нервно дрожит.

— Ты чего? — И Димка почувствовал, как невольный страх начинает передаваться и ему…

— Там кто-то… — начал было Жиган шепотом, выбивая зубами дрожь. — Кто-то…

Но не договорил, а только крепко ухватил Димку за руку. И Димка ясно услыхал доносившийся из темной глубины сарая тяжелый, сдавленный стон…

В следующую же секунду, с криком скатившись вниз, не различая ни ям, ни тропок, оба в ужасе неслись прочь от сарая.

III

В эту ночь Димка долго не мог заснуть. Положил с собой рядом Шмеля, закутался крепко в поддевку и все же каждый раз испуганно открывал глаза при малейшем стуке. Проснулся он рано, и потому ли, что было светло, потому ли, что за ночь он успел оправиться от первоначального испуга, но только теперь в его голове начали складываться всевозможные более или менее цельные предположения.

«Крысы? — вспоминал он. — Мясо, снопы… А что если?..» — вдруг мелькнула у него какая-то мысль.

Он быстро оделся и помчался прямо к сараям. Вот и снопы, вот и щель. Простояв с минуту в нерешительности, Димка быстро вскарабкался на солому и юркнул в дыру.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь многочисленные щели, светлыми полосками прорезали полутьму длинного сарая. Подпорки передней части, там, где должны были находиться ворота, обвалились — и крыша осела, наглухо завалив вход.

«Где-то тут!» — Димка пополз вперед. Он завернул за одну из куч слежавшейся соломы и остановился… В углу, распластавшись на соломе, лежал человек, а впереди него — бессильно зажатый в вытянутой руке темный наган.

Шорох заставил человека поднять глаза. Он крепко стал сжимать наган, по-видимому, собираясь выстрелить. Но, то ли изменили ему силы, то ли что-нибудь другое, только, всмотревшись воспаленными мутными глазами в Димку, он разжал пальцы, выпустил револьвер и проговорил хрипло, с трудом ворочая языком:

— Пить…

Димка сделал шаг вперед и чуть не крикнул от удивления: прямо перед ним лежал черный незнакомец. Пропал весь страх, все сомнения, осталось только чувство острой жалости к человеку, когда-то так участливо заступившемуся за него.

Димка схватил котелок, помчался за водой на речку. Возвращаясь бегом, он наткнулся на Федьку Марьиного, помогавшего матери тащить корзину мокрого белья. Однако он успел все-таки почти что под самым носом у того завернуть в кусты. Ему было видно, как удивленный Федька замедлил шаг и поворотил голову в его сторону.

И если бы мать, заметившая, как сразу потяжелела корзина, не крикнула сердито: «Та неси же, дьяволенок, чего ты завихлялся, паршивец!» — то, должно быть, тот не утерпел бы проверить, кто это шмыгнул в сторону и спрятался в кустах столь поспешно.

В сарае Димка увидел, что незнакомец лежит, закрыв глаза, и шевелит губами слегка, точно разговаривая с кем-то во сне. Димка тронул его за плечо, и, когда тот, открыв глаза, увидел перед собой стоящего с котелком мальчугана, нечто вроде слабой улыбки мелькнуло по его пересохшим и истрескавшимся губам. И он с жадностью, отрывисто дыша, потянул тепловатую воду. Напившись, опять опустил голову на солому и пролежал молча минут пять. Потом приподнялся опять и спросил у Димки, уже немного яснее и внятней:

— Красные далеко?

— Далеко, — ответил Димка. — Не слыхать вовсе что-то.

— А в городе?

— Петлюровцы… Головень вчерась говорил.

Раненый поник головой. Потом снова заговорил негромко:

— Мальчик, ты никому не скажешь?

И было в этом вопросе столько скрытой тревоги, столько безнадежной просьбы, что вспыхнул разом Димка и горячо принялся уверять, что он не скажет никому.

— Жигану разве только.

— Это с которым вы бежать собирались?

— Да, — удивленный смутился Димка. — Вот и он, кажется.

Прислушались. У сараев засвистел соловей переливисто, щелкнул, рассыпавшись пересвистами. Потом крикнул тихонько:

— Эгей…

Это Жиган, не боящийся ничего солнечным утром, разыскивал и дивился, куда это пропал его товарищ.

Отодвинув снопы и высунув из дыры голову, Димка, боясь крикнуть, запустил в Жигана камешком. И когда тот, как ужаленный, обернулся назад, он позвал его знаком к себе.

— Ты чего? — рванулся недовольный Жиган, почесывая рукой спину.

— Тише! Лезь сюда. Надо…

— Так ты крикнул бы, а то на-ко… Камнем! Ты б кирпичом еще запустил…

Взяв с Жигана самую страшную клятву и, помимо всего прочего, пообещав поколотить его в

случае нарушения слова, Димка посвятил его в свою тайну.

Спустились оба вниз. Видя перед незнакомцем черный револьвер, Жиган остановился, оробев. Но тот открыл глаза и спросил негромко:

— Ну что, мальчуганы?

— Это вот Жиган! — не зная, собственно, к чему, ответил Димка и толкнул того легонько вперед.

Незнакомец ничего не сказал и только чуть-чуть наклонил голову.

Из своих запасов Димка притащил ломоть хлеба и вчерашнюю колбасу.

Раненый был голоден, но ел мало и все больше пил воду. Помимо того, что пуля зеленых прохватила ему ногу, он почти три дня не имел ни глотка воды и был сильно измучен.

Жиган и Димка сидели почти все время молча, так как, кроме нескольких отрывистых фраз, незнакомец пока не сказал ничего. Глаза у него заблестели теперь лихорадочно и ярко.

— Мальчуганы! — окликнул он уже совсем ясно. И по голосу теперь Димка еще раз узнал в нем незнакомца, крикнувшего гневно на Головня. — Мальчуганы, вы славные ребятишки… Я часто слушал, как вы разговаривали, — но если вы проболтаетесь, то меня убьют… Только-то и всего…

— Не должны бы, — неуверенно вставил Жиган.

— Как, дурак, не должны бы? — вспыхнул Димка. — Ты говори: нет — и все… Да вы его не слушайте, — чуть не со слезами в голосе обратился он к раненому. — У него, ей-богу, дурость вроде как в башку заходит. Вот провалиться мне, все обещал только, а то и взаправду вздую.

Жиган, который и в самом деле не имел никакой задней мысли, сообразил, что сболтнул что-то несуразное, и ответил извиняющимся тоном:

— Да я, Дим, и сам… что не должны бы, значит… ни в коем случае…

И Димка увидел, как незнакомец улыбнулся второй раз.

— Хорошо, хорошо, — я верю, только вы теперь не убегайте из дому, ребятишки.

И Димке, которому перед тем важным, что было теперь перед ним, побег показался таким далеким и ненужным, что он ответил твердо за двоих:

— Нет, мы не побежим…

За обедом Топ сидел-сидел, да и выпалил:

— Димка, давай гвоздь, а то я мамке скажу, что ты колбасу воробушкам таскал.

Димка чуть не подавился картошкой и громко

зашумел табуреткой. К счастью, мать вынимала в это время из печки похлебку, а бабка была туговата на ухо, а Головень еще только входил в хату. И Димка шепнул Топу, толкая его ногой:

— Вот дай пообедаю… у меня уже припасен, хороший…

«Чтоб тебе неладно было! — подумал он, вставая из-за стола. — Вот дернуло за язык». И так как никакого гвоздя у него не было, то он остановился на дворе, раздумывая, откуда бы раздобыть. После некоторых поисков и долгих усилий в сарае из стены он выдернул здоровый железный гвоздь и отнес его Топу.

— Большой больно, — остался недовольным Топ, внимательно рассмотрев толстый, неуклюжий гвоздь.

— Что большой? Вот оно и хорошо, Топ. А что маленький, заколотил, ну и все, а тут долго сидеть можно: тук-тук!.. Хороший гвоздь!

Вечером Жиган стянул у Онуфрихи небольшой кусок чистого холста для повязки раненому…

— Ёду где-нибудь достать надо…

— Какой-такой ёд?..

— Желтый, жгучий… как задерет, взвоешь прямо, а потом сразу затянет. У нас, как стояли солдаты, мне мамка на руку налила…

Из своих запасов Димка захватил кусок сала поздоровей и направился на другой конец села к попадье. Вместо нее дома он застал отца Перламутрия, который в одном подряснике и без сапог лежал на кушетке. Он был, по-видимому, в самом хорошем расположении духа. Напротив него на стене висела картина, где какой-то седовласый старец с необыкновенно морщинистым лицом сидел, упершись локтем на стол, а перед ним шли облака или что-то вроде облаков, из-за которых выглядывали женские лица неимоверной красоты, кубки с выпирающим, как мыльная пена, вином и бал, или, вернее, уголок бала… В бешеной мазурке проходила пара, он — ловкий, с шеей, поднятой до пределов возможного, а она — легкая, розовая, как мечта, с длинным шлейфом и талией, необыкновенно грациозной и изогнутой. Под этой картиной была подпись: «Воспоминания о минувших юностных днях».

Вошел Димка нерешительно, завернутый кусок сала держа за спиной.

— Здравствуйте, батюшка.

Отец Перламутрий вздохнул, перевел с картины взгляд на Димку и спросил, не поднимаясь:

— Ты что, чадо? К матушке либо ко мне…

— К матушке…

— Гм, ну, а поелику она пока в отлучке, я за нее….

— Мамка прислала, пойди, говорит не даст ли попадья, матушка то есть, ёду малость, и пузырек вот прислала… ма-хонький.

— Пузырек? Гм… — с сомнением кашлянул отец Перламутрий и окинул Димку внимательным взглядом.

— Пузырек… А ты что, хлопец, руки назад держишь….

— Сала тут кусок. Говорит, если нальет матушка, отдай ей в благодарность…

— Если нальет, говоришь…

— Ей-богу, так и сказала.

— О-хо-хо, — вздохнул отец Перламутрий, приподнимаясь. — Нет, чтобы просто прислать, а то вот: «если нальет». — И он вздохнул с сокрушением. — Ну, давай, что ли, сало-то. Да оно старое!

— Так нового не кололи же еще, батюшка!

— Знаю я, что не кололи. Можно бы пожирней, хоть и старое. Пузырек где? Что это мать тебе целую четверть не дала? Разве возможно полный?

— Да в ём, батюшка, два наперстка всего. Куды меньше?

Отец Перламутрий постоял в нерешительности, потом добавил:

— Ты скажи-ка, пусть лучше мать сама придет, я ей прямо и смажу, а наливать к чему же?

Но Димка отчаянно замотал головой.

— Нет, вы, батюшка, наливайте, а то мамка наказывала: «Как если не будет давать, бери, Димка, сало и тащи назад».

— А ты скажи ей: «Дарствующий да не печется о даре своем, ибо будет тогда пред лицом всевышнего дар сей всуе». Запомнишь?

— Запомню!.. А вы все-таки наливайте, батюшка.

Отец Перламутрий надел туфли на босую ногу — причем Димка подивился их необычайным размерам — и, прихватив с собой на всякий случай сало, ушел с пузырьком в другую комнату.

Через несколько минут он вышел, подал Димке пузырек.

— Ну вот, только от доброты своей. А у вас куры несутся, хлопец?

«От доброты меньше полпузырька налил», — обиделся Димка, а на повторенный вопрос о курах, выходя из двери, ответил сердито:

— У нас, батюшка, кур нету, один петух только…

Отец Перламутрий удивился здорово и хотел еще что-то спросить у Димки, но того уже и след

простыл. Тогда он запахнул покрепче подрясник, так как увидел некоторую неприличность в своем туалете, и, улегшись на диван и откашлявшись, взял одну ноту, потом другую погуще, а потом прочел основательно первый стих «На реках вавилонских». Полюбовавшись благозвучностью своего голоса, хотел было отец Перламутрий продолжать дальше, но в это время из-за двери выглянула красная повязанная голова только что вернувшейся из бани матушки и проговорила сердито:

— Отец, тут и так после угара, ты бы как-нибудь уж не очень громогласно…

* * *

Прошло два дня. Раненому стало лучше, пуля в ноге прохватила только мякоть, и потому, обильно смазываемая йодом, опухоль начинала немного опадать. Конечно, ни о каком побеге еще и не могло быть речи. Между тем обстановка начинала складываться совершенно неблагоприятно.

О красных не было и слуху, два раза в деревню приезжали Левкины ребята, и мальчуганам приходилось быть начеку.

Как только было возможно, они с величайшей

осторожностью пробирались к сараям и подолгу проводили время с незнакомцем. Он часто и много болтал с ребятишками, рассказывал и даже шутил. Только иногда, особенно когда заходила речь о фронтах, глубокая складка залегала у него через лоб, он замолкал, долго думал о чем-то и потом спрашивал, точно что-то припоминая:

— Ну что, мальчуганы, не слыхали, как дела там?

«Там» — это на фронте. Но слухи в деревне ходили разноречивые, одни говорили так, другие этак, и ничего толком разобрать было нельзя. И хмурился и нервничал тогда раненый, и видно было, что больше ежеминутной опасности, больше, чем страх за свою участь, тяготили его незнание, бездействие и неопределенность.

— Димка, — спросил вдруг он сегодня, — не можете ли вы достать мне лошадь?

— Зачем? — удивился тот. — Ведь у тебя ноги болят.

— Ничего, верхом бы я смог…

Но Димка покачал головой и ответил, раздумывая:

— Нет, и не потому, а все равно нельзя… Попадешь беспременно… замучают тогда.

Оба мальчугана, несмотря на большую опас-

ность быть раскрытыми, все больше и больше проникались мыслью во что бы то ни стало сохранить в целости раненого. Особенно Димка… Как-то раз, оставив дома плачущую мать, пришел он к сараям печальный.

— Ты чего? — участливо встретил его незнакомец.

— Так Головень все… мамка плачет. Уехать бы к батьке в Питер, да никак…

— Почему никак?

— Не проедешь: пропуски разные, да бумаги, где их выхлопочешь? А без них нельзя.

И он замолчал снова.

Подумал немного незнакомец и потом сказал:

— Если бы были красные, я бы тебе достал, Димка.

— Ты?! — удивился тот, потом, поколебавшись немного, спросил то, что давно его занимало: — А ты кто? Я знаю: ты пулеметный начальник, потому тот раз возле тебя был солдат с «Льюисом»[3].

Улыбнулся незнакомец, ничего не ответил, а

---

[3] Примечания: 3

С чем именно был солдат, в «Звезде» не говорится. Видимо, это слово, означающее марку иностранного пулемета, сократили из-за трудно читаемого черновика. Гайдара в редакции тогда не было: он путешествовал по югу страны. Но название пулемета, теперь взятое из последующих публикаций «РВС», важно для правильного понимания сцены.

только кивнул головой так, что можно понять — и да и нет. Но после этого Димке еще сильней захотелось, чтобы скорей пришли красные.

Между тем неприятностей у Димки набиралось все больше и больше. Безжалостно шантажирующий его Топ чуть ли не в пятый раз требовал по гвоздю и, несмотря на то, что Димка с помощью Жигана аккуратно ему доставлял их, все-таки проболтался матери. Потом в кармане штанов его мать нашла остатки махорки, которую Димка таскал для раненого у Головня. Выругавшись, мать оставила его под сильным подозрением в том, что он курит. И наконец Головень спросил как-то странно:

— Ты чего это все пропадаешь где-то, стерва?

Но самое худшее надвинулось только сегодня. По случаю какого-то праздника за добродетельным даянием завернул в хату отец Перламутрий. Между разговором он вставил вдруг, обращаясь к матери:

— А сало все-таки старое, даже некоторая прогорклость наблюдалась и, кроме того, упитанности несоответствующей. Не одобряю. Ты бы хоть за лекарство десяток яиц дополнительно, право…

— За какое еще лекарство?

Димка заерзал беспокойно на стуле и съежился под устремленным на него взглядом.

— Ты зачем это, тебе кто велел? — насела на него мать и в то же время побледнела сама, потому что в хату вошел Головень.

— Я, мам, собачке, — неуверенно попробовал он вывернуться. — Шмелику, ссадина у него была, здоровая…

Все замолчали. Против обыкновения Головень не разразился градом ругательств, а только, двинувшись на скамейку, сказал ядовито:

— Сегодня я твою суку пристрелю беспременно. — И потом добавил, уставившись тяжело на Димку: — А к тому же ты все-таки врешь, что для собаки. — И не сказал больше ничего, не избил даже…

— Возможно ли для всякой твари сей драгоценный медикамент употреблять! — с негодованием вставил отец Перламутрий. — А поелику солгал, повинен есть дважды: на земле и на небесах.

При этом он поднял многозначительно большой палец, перевел взгляд с земляного пола на потолок. И, убедившись в том, что слова его произвели должное впечатление, вздохнул горестно, печалясь о людском неблагоразумии, и добавил, обращаясь к матери:

— Так я, значит, на десяточек рассчитываю все-таки…

Отправляясь к сараям, Димка нечаянно обернулся и заметил, что Головень пристально смотрит ему вослед. Он нарочно свернул к речке.

* * *

Вечером беспокойный Жиган встретил Димку встревоженный.

— Димка, а говорят все-таки на деревне…

— Чего?

— Про нашего. Тут, мол, он, где-либо недалече, потому книжку его нашел возле Горпининого забора Алексашка, спер, а она кровяная и в ней листков много, он для игры, конечно, а батька увидел да и рассказал. Я сам один листок видел, белый, а на ем в углу буквы «РВС», потом палочки, вроде как на часах, а потом…

Димке даже в голову что-то шибануло.

— Жиган, — остановил он шепотом почему-то, хотя кругом никого не было, — надо тово… ты не ходи туда прямо… лучше обходи с берега, кабы не заметили.

Предупредили раненого.

— Что же, — сказал он, — что же, Димка… будьте только осторожней. А если не поможет, ничего

не поделаешь, не хотелось, правда, за революцию пропадать так нелепо.

— А если лепо?

— Такого слова нет, Димка, — улыбнулся он, — а если не задаром, тогда можно.

— И песня такая есть, — вставил Жиган, — кабы можно было, я спел бы, хорошая песня… Вот повели казаки коммуниста, а он им объяснил у стенки: мы, говорит, знаем, по какой причине боремся, и знаем, за что умираем… Только ежели так рассказывать — не выходит… Вот как солдаты на фронт уезжали, так эту песню пели. Уж на что железнодорожные, и то рты разевали… так тебя и забирает.

Возвращались домой поодиночке. Димка ушел немного раньше и добросовестно от сараев направился к речке, чтобы другой дорогой подойти к дому.

Жиган же со свойственной ему беспечностью позабыл об уговорах, захватил у раненого флягу, чтобы утром набрать воды, и направился ближайшим путем, мимо ям, через огород. Замечтавшись о чем-то, он засвистел потихоньку. Потом оборвал свист, когда послышалось ему, как что-то хрустнуло возле кустов.

— Стой, дьявол! — крикнул на него кто-то. —

Стой, собака!

Жиган испуганно шарахнулся, бросившись в сторону, взметнулся на какой-то плетень и почувствовал, что кто-то в темноте крепко ухватил его за штаны. Отчаянным усилием от толкнул назад ногой, попал кому-то в лицо. Перевалившись через плетень на грядку с капустой, выпустив флягу из рук, он кинулся бежать.

Димка же вернулся домой и, ничего не подозревая, сразу же завалился спать. Не прошло и десяти минут, как в сени с ругательствами ввалился Головень, и Димка услышал, как он закричал на мать:

— Пусть твой дьяволенок и не ворочается, сейчас ногой меня по лицу съездил, сукин сын!

— Когда съездил? — со страхом спросила та. — Что ты?

— Когда? Сейчас только.

— Что ты? Да он спит давно…

— Значит, прибег! — только уж не закричал, а заревел Головень. — Каблуком по лицу прямо. — И он распахнул двери в сенцы.

— Что ты, что ты! — испуганно заговорила мать. — Каким каблуком? Да у него с весны обувито нет. Он же босый! Кто ему ботинки покупал?.. Ты спятил, что ли? — дрожащим голосом говори-

ла мать, загораживая ему дорогу.

Но Головень и сам сообразил, что ботинок у Димки не было вовсе, потому он остановился озадаченный, выругался и вошел в избу.

— Гм, — усевшись на лавку, бросил Головень на стол найденную флягу. — Ошибка, видно… Но какая же стерва и где скрывает его? Книжка и фляга… Подохнуть мне на этом месте, если это не его и если я не найду этого комиссара. — Потом добавил, усмехаясь: — А суку-то я все-таки убил…

— Кого убил?! — переспросила не оправившаяся от испуга мать.

— Собаку. Бабахнул ей в голову, вот и все.

Димка, уткнувшись лицом в полушубок, зарывшись глубоко в сено, задергался всем телом и плакал беззвучно, но горько-горько…

Утихло все. Ушел-на сеновал Головень. К Димке подошла мать и, заметив, что он еще всхлипывает, сказала ему, желая успокоить:

— Ну, будет, Димушка! Стоит о собаке-то.

Но при этом новом напоминании перед глазами Димки снова еще яснее и ярче встал образ ласкового, помахивающего хвостом Шмеля, и он еще с большей силой молча затрясся и еще крепче втиснул голову в намокшую от слез подушку.

* * *

— Эх, ты! — проговорил Димка. — Эх! — И не сказал больше ничего. Но почувствовал Жиган в словах его такую горечь, такую обиду, что смутился окончательно.

— Разве ж я знал, Димка!

— Знал? А что я говорил — не ходи той дорогой, долго ли кругом пробечь. А теперь что? Вон Головень седло налаживает, ехать куда-то хочет. А куда? Не иначе, как к Левке или еще к кому. Даешь, мол, обыск!

Незнакомец — тот молча посмотрел на Жигана, был в его взгляде легкий укор, и сказал он мягко:

— Осторожней надо. Хорошие вы, ребята, только зелены еще очень.

И все. Больше ничего не добавил, не рассердился на него, как будто не его из-за Жигановой ошибки будет искать и наверняка найдет банда.

Жиган стоял молча, но глаза его не бегали, как всегда, по земле, ему нечем было оправдаться, да и не хотелось что-то. И он ответил хмуро и не на вопрос:

— А красные в городе.

И вспыхнуло сразу лицо у незнакомца, и он приподнялся на обе руки, так что блеснула ярко

под пробивающимся солнечным лучом красная звездочка в серебристом венке на его груди, и мелькнула какая-то мысль или надежда у него в глазах.

— А ты не врешь? — со свойственной ему недоверчивостью спросил Димка.

— Нет, нищий Авдей пришел вчерась еще оттуда. Много, говорит, и всё больше на конях. — Потом он поднял глаза и сказал все тем же виноватым и негромким голосом: — Я попробовал бы, может, поспею, проберусь еще как-нибудь.

И удивился Димка, который только что хотел предложить для этого себя. Удивился незнакомец, заметив серьезно остановившиеся на нем большие и темные глаза мальчугана. И больше всего удивился откуда-то внезапно набравшийся решимости сам Жиган.

— Тогда скорей! — Торопливо вырвал незнакомец листок из книжки и написал карандашом несколько строк. И пока он писал, увидел Димка в левом углу белого листочка те же три большие буквы «РВС», потом палочки, как на часах. Сложил записку, на ней адрес: «Начальнику красного отряда», и два креста поставил.

— Вот, — подал ее Жигану, — вот, ставлю аллюр два креста. Торопись только. С этим значком каж-

дый солдат, — хоть ночью, хоть когда, — сразу же отдаст начальнику. Может быть, проберешься как-нибудь вовремя. Спрячь только ее подальше… Да не попадись с нею, Жиган…

— Ты, брат, тово, не подкачай, — добавил Димка. — Или не берись лучше, дай я.

Но у Жигана уже снова забегали глаза, и, запихивая бумажку в башмак, он ответил с ноткой вернувшегося бахвальства:

— Знаю сам… Что мне, впервой, что ли?

И, выскочив из щели, он огляделся по сторонам и, не заметив никого, пустился наперерез дороге.

* * *

Солнце стояло еще высоко над Никольским лесом, когда выбежал на дорогу Жиган и когда мимо Жигана по той же дороге рысью промчался куда-то Головень.

Недалеко от опушки леса Жиган догнал подводы, нагруженные мукой и салом. На телегах сидело пять человек с винтовками, кто такие — он не угадал, но решил, что, наверно, зеленые какой-нибудь шайки, возвращающиеся из фуражировки. Подводы ехали потихоньку, а Жигану надо было торопиться, и поэтому он свернул в сторону, обогнал их кустами и пошел дальше

не по дороге, а краем леса. Попадались полянки, заросшие высокими желтыми цветами. В тени начинала жужжать надоедливая мошкара. Проглядывали ягоды дикой малины. На ходу он оборвал одну, другую, но не остановился ни на минуту.

«Верст пять, пожалуй, отмахал! — подумал он. — Хорошо бы дальше так же без задержки. Скверно только по сучьям, выйду-ка на дорогу…»

Прошел сотни две шагов еще, завернул за поворот и, зажмурившись, остановился даже — прямо навстречу в глаза брызгали густые красноватые лучи заходящего солнца.

С верхушки высокого клена по-вечернему звонко пересвистнула какая-то пташка, и что-то затрепыхалось в листве кустов.

— Эй! — послышался вдруг откуда-то негромкий окрик.

Обернулся Жиган испуганно и не увидел никого.

— Эй, хлопец, поди сюда!

И только сейчас он разглядел за небольшим стогом сена двух человек с винтовками: в стороне за деревьями стояли их верховые лошади.

Подошел.

— Откуда ты идешь?.. Куда?

— Оттуда… — И он, махнув рукой, запнулся, придумывая дальше. — С хутора я. Корова убегла… Может, повстречали где? Рыжая, и рог у ей один спилен. Ей-богу, как провалилась, а без ее — хоть не ворочайся

— Не видали… Телка тут бродила какая-то, так ее еще в утро сожрали, а коровы нет, не было. А тебе не повстречались подводы какие?

— Едут там какие-то, сейчас, должно, будут.

По-видимому, это сообщение крайне заинтересовало спрашивающих, потому что вскочили они оба разом и бросились к коням.

— Забирайся! — скомандовал один Жигану, подводя лошадь. — Садись мне за спину.

— Мне домой надо, корову надо… — жалобно завопил Жиган. — Куда я поеду?

— Забирайся, когда тебе говорят, — крикнул тот снова. — Тут недалече отпустим, а то ты сболтнешь еще и тем тоже…

Тщетно уверял Жиган, что у него корова и что он ничего не сболтнет подводчикам, — ничего не подействовало. Совершенно неожиданно для себя Жиган уже сидел верхом за спиной одного. Поехали легкой рысью. В другое время это доставило бы ему только большое удовольствие, но сейчас совсем нет, особенно когда из разговоров

он понял, что едут они к отряду Левки, дожидающемуся кого-то на пути.

«А ну, как Головень там? — мелькнула вдруг мысль. — Да узнает сейчас, что тогда?» И, почти не раздумывая, под впечатлением обуявшего ужаса он слетел кубарем с лошади и бросился к деревьям.

— Куда, стервец? — круто остановив лошадь, сорвал винтовку и вскинул к плечу один…

Может быть, и не успел бы добежать до деревьев Жиган, если бы другой не схватил за руку товарища и не крикнул сердито:

— Стой, стой, дурень!.. Не стреляй, пес тебя возьми, все дело испортишь.

Не вбежал, а врезался в гущу леса Жиган, напролом через чащу, через кусты, глубже, глубже. И только когда очутился он посреди сплошной заросли осинника и сообразил, что никак не смогут проникнуть сюда всадники, остановился на минуту перевести дух.

Потом пошел шагом.

«Левка! — решил он. — Не иначе, как к нему Головень. — И сразу же сжалось сердце при этой мысли. — Хоть бы как-нибудь до темноты, ночью-то не найдут все равно. А утром бы красные. Скорей надо, а тут, на-ко, без дороги…»

Вдруг грохнул выстрел, другой… и пошло!

«С обозниками», — догадался Жиган. — Через несколько минут лес поредел, и под ногами у него оказалась другая, параллельная той дорога. Жиган вздохнул облегченно и бегом бросился по ней дальше. Не прошло и полчаса, как рысью навстречу ему вылетел торопящийся куда-то большой конный отряд… И не успел он как следует опомниться, как очутился со всех сторон окруженный всадниками.

— Эй, хлопец, — окрикнул Жигана один из всадников, грузный и с большими седоватыми усами, — тебя куда дьявол несет?

— С хутора я, — начал было опять Жиган, — бык у меня убежал, черный и пятна на нем белые.

— Врешь, оборвал его тот, — тут и хутора никакого вовсе нет.

Жиган испугался еще больше и совсем чуть не присел на дорогу, когда увидел среди всадников Головня. Но тот был занят тем, что подтягивал подпругу плохонького седла, и не обратил на встретившегося мальчишку никакого внимания.

А Жиган заговорил заплетающимся от страха языком:

— Да не тут… а как зачали стрелять, напугался я и убег.

— Слышали? — вставил первый, многозначительно показывая на остальных. — Я же говорил, что где-то стреляли.

— Ей-богу, стреляли, на Никольской дороге, — заговорил быстро, начиная догадываться в чем дело, Жиган. — Там Козолупу мужики продукт везли, а Левкины ребята на них напали.

— Как напали?! — гневно вспыхнул первый. — Как они смели, сукины дети!

— Ей-богу, напали, сам слышал… Чтоб, говорят, сдохнуть Козолупу, жирно с него — и так обжирается, старый черт, бабий паскудник.

И еще сильнее вздулись от гнева морщины на лице бандита.

— Слышали?! — заревел зеленый. — Это я ожирел, это я бабник!

— И бабник, подтвердил Жиган, у которого при виде впечатления, какое производят его слова, язык заработал как мельница. — Если, говорят, сунется на нас, мы ему намнем… Мне что, конечно, это все ихние разговоры.

Прикрываясь несуществующим разговором, Жиган смог бы выпалить еще не один десяток слов, обидных для достоинства Козолупа, но тот и так был взбешен до крайности и, помимо того, не испытывал никакого удовольствия слушать

при всем отряде нелестные Левкины эпитеты. А потому рявкнул грозно:

— По коням, живо!

— А с ним что делать? — указал один на Жигана.

— А всыпь ему нагайкой раз-другой, чтобы не мог больше такие паскудные слова слушать.

Отряд умчался в одну сторону, а Жиган, получивший плетью ни за что ни про что, поспешно помчался в другую, радуясь тому, что легко отделался.

«Ей-богу, — думал он на бегу, — ей-богу, сейчас схватятся, а солнце закатилось уже. Глядишь, пока разберутся, и темно будет».

Нависли сумерки. Высыпали звезды, вечер быстро сменился на ночь, а Жиган все бежал, бежал, тяжело дыша, и только изредка останавливался на минуту перевести дух. Один раз, заслышав мерное бульканье, отыскал в темноте ручей, с жадностью хлебнул несколько глотков холодной воды. Один раз шарахнулся испуганно, наткнувшись на сиротливо приткнувшийся придорожный крест. И понемногу отчаяние начинало овладевать Жиганом: «Бежишь, бежишь, а все конца нет, может быть, сбился давно, узнать или спросить бы у кого…»

Но не у кого было спрашивать. Не попадались навстречу ни хохлы с ленивыми волами, возвращающиеся с работ, ни ребята с конями из ночного, ни запоздалый прохожий из города. Пуста и молчалива темная дорога, только соловей вовсю насвистывал, щелкая, и рокотал среди деревьев, только он один не боялся и смеялся переливчато над ночными страхами притаившейся земли.

И вот, в то время, когда измученный Жиган совсем потерял уже всякую надежду выйти хоть куда-нибудь, дорога разделилась надвое.

«Еще новое! По какой же теперь?» — остановился он в нерешительности.

«Га-га-га», — послышалось вдруг откуда-то негромкое клокотание гусей. Едва не подскочил от радости Жиган и только сейчас заметил за кустами небольшой хутор.

Завыла отчаянно собака, точно к дому приближался не мальчуган, а по меньшей мере медведь, захрюкали встревоженные свиньи. Жиган застучал в дверь:

— Эй! Эй! Отворите!

Сначала молчали, потом в хате послышался кашель, возня и чей-то бабий голос:

— Господи, кого еще несет?

— Отворите! — стучался Жиган.

Но не такое было время, чтобы в полночь отворять всякому. И чей-то хриплый бас спросил:

— Кто там?

— Откройте, это я, Жиган…

Нельзя сказать, что это сообщение подействовало успокаивающе на обитателей хутора, потому что тот же голос ответил:

— Какой еще, к черту, жиган? Вот я тебе из берданки пальну через дверь!

Жиган откатился сразу в сторону и, сообразив об опасности, завопил просительно:

— Не жиган! Не жиган, то прозвище такое — Васькой зовут… Я же еще малый, мне дорогу узнать, какая в город ведет…

Очевидно раздумывая, помолчал немного кто-то за дверью.

— Иди тогда к окошку, оттуда покажу, а открыть… нет. Мало что маленький, может, за тобой здоровый битюг сидит…

Окошко открылось, и дорогу Жигану показали.

— А далеко тут?

— Нет, с версту будет, тут, за опушкой.

— Только-то!

И, окрыленный надеждой, Жиган снова пустился бежать…

На кривых улочках его сразу же остановил

патруль. Показали, где помещается штаб.

Сонный красноармеец спросил недовольно:

— Какую еще записку! Приходи утром. — Однако, рассмотрев поставленные крестики «спешно аллюр», добавил: — Ну, давай сюда… Эй, там где дежурный?

Дежурный посмотрел на Жигана, взял бумажку, развернул и, увидев в правом углу три буквы, сразу придвинул к себе огонь.

Едва только прочитал записку, сейчас же надавил клапан телефона и вызвал кого-то.

Через несколько минут вошел командир, тоже прочитал записку и забегал торопливо и волнуясь по комнате.

— Не может быть… прочитайте… он, конечно, он, его рука и его почерк. Кто привез?!

И только сейчас взоры всех обратились на притихшего в углу Жигана.

— Какой он из себя?

— Черный такой, в сапогах. Звезда у него прилеплена, а из нее вроде как флажок.

— Ну да, да, орден!

— Только, — добавил Жиган, — живей бы, если можно. Рассвет скоро. А то Левка и Козолуп искать его будут. Убьют тогда.

И что тут поднялось только! Не забегали, а со-

рвались все сразу, зазвонили телефоны, затопали кони. И среди всей этой суматохи разобрал утомленный Жиган несколько раз повторявшееся слово «РВС».

Потом затрубила быстро-быстро труба, и от топота задрожали даже стекла.

— Где? — порывисто распахнув дверь, спросил высокий, вооруженный маузером и шашкой командир. — Это ты, мальчуган?.. Васильченко, с собой его, на коня, живо.

Не успел Жиган опомниться, как кто-то схватил, поднял его и усадил на лошадь.

И снова заиграла труба.

— Скорей! — повелительно крикнул кто-то с крыльца.

— Даешь! — дружно ответили десятки голосов с коней.

И сразу сорвавшись с места, как бешеный, врезался в темноту конный отряд.

А в это же время незнакомец и Димка с тревогой ожидали чего-то и чутко прислушивались к тому, что делается в деревне.

— Уходи лучше, сиди дома, Димушка, — несколько раз предлагал незнакомец, — смотри, попадешься и ты вместе со мной.

Но на Димку точно упрямство какое нашло.

— Нет, — категорически мотал он головой, — нет, не пойду.

Он выбрался из угла, разворочал еще больше солому возле стенки и, тщательно забросав снопами небольшое входное отверстие, с трудом протискался обратно.

Сидели молча: было не до разговоров. Один раз только спросил Димка, и то как-то нерешительно:

— А ты вправду, если что, пропуска достанешь до батьки? Я мамке сказал недавно: уедем, говорю, может, в Питер скоро, так она подивилась было, а потом ругать зачала, что ты, говорит, язык, Димка, понапрасну чешешь.

— Достану, достану, только бы…

Но Димка и сам знает, какое большое и страшное это «только бы», и потому он притих у соломы, о чем-то молча и напряженно раздумывая.

Наступал вечер. В пустом обвалившемся сарае каждый угол резче и резче поглядывал темной пустотой и, тускло отсвечивая, расплывались в ней незаметно лучи угасающего солнца.

— Слушай! — Димка задрожал даже от волнения.

— Слышу, не бай, — и незнакомец крепко сжал его за руку, — но кто это?

За деревней, в поле, захлопали выстрелы, частые, неровные… И ветер, сожравши на пути остроту и резкость звуков, донес их сюда беззвучными хлопками игрушечных пушек.

— Может, красные?.. — вспыхнул надеждой Димка.

— Нет, нет, Димка, рано еще.

Выстрелы смолкли. Прошло еще полчаса, топот и крик, наполнившие деревеньку, донесли до сарая тревожную весть, что кто-то уже здесь, рядом. Голоса то приближались, то удалялись — и вот послышались совсем близко-близко…

— И по погребам? И по клуням? — переспросил чей-то резкий голос.

— Везде! — подтвердил другой. — Только, сдается мне, что скорей где-нибудь здесь.

«Головень!» — узнал Димка, а незнакомец протянул куда-то руку, и чуть-чуть блеснул в темноте темный, холодновато-спокойный наган.

— Темно, пес возьми, разве теперь возможно.

— Темно! — откликнулся кто-то.

— Тут и шею себе сломишь. Я полез было в один сарай, а на меня, мать их, доска сверху, чуть не в башку.

— Темно, — и снова Димка узнал Головня, — а место такое подходящее. Не поставить ли вокруг

с пяток ребят до рассвета?

И замерли снова скрывающиеся, стараясь дышать потихоньку в солому, потому что близко то и дело проходили оставшиеся дозорные.

Чуть-чуть отлегло. Пробудилась смутная надежда.

Сквозь одну из щелей видно было, как вспыхивал недалеко костер, мигая светлым, колеблющимся огоньком.

Почти что к самой заваленной двери подошла лошадь и нехотя пожевала, похрустывая, солому.

Рассвет не приходил долго… Задрожали наконец на горизонте зарницы, помутнели звезды, виднеющиеся через выломанную дверь, и начало понемногу бледнеть небо.

Скоро обыск. Не успел или не попал вовсе Жиган?..

— Димка, — шепотом проговорил незнакомец, — скоро будут искать. Я не хочу ни за что, чтобы и ты был здесь. В той стороне, где обвалились ворота, есть небольшая щелка. Ты маленький и пролезешь, ползи туда.

— А ты?

— А я тут… Под кирпичами, ты знаешь где, я спрятал сумку, печать и записку про тебя, отдай, когда придут красные. Ну, полезай скорей!

Незнакомец крепко, как большому, пожал в темноте Димкину руку и тихонько толкнул его.

А у Димки жгучие слезы подступили вдруг к горлу, и было ему страшно, и было ему жалко как никогда оставлять одного незнакомца. И, закусив губу, глотая слезы и еле сдерживаясь, чтобы вслух, по-детски, не расплакаться, он пополз, спотыкаясь о разбросанные остатки кирпичей.

— Тара-та-тах! — прорезало вдруг воздух. — Тиу-у, тиу-у… взвизгнуло бешено по сараю.

И крики, и топот, и зазвеневшее эхо от разряженных обойм «Льюисов» — все это так мгновенно врезалось, разбило предрассветную тишину и вместе с ней и долгое ожидание, и напряженность нервов. Димка не заметил и сам, как очутился он опять возле незнакомца. Не будучи более в состоянии сдерживаться, заплакал вслух громко-громко.

— Чего ты, глупый? — радостно вскрикнул незнакомец.

— Да ведь это же они, ей-богу, они, — ответил Димка, улыбаясь, не переставая плакать.

И еще не смолкли выстрелы за деревьями, еще кричали где-то и что-то по улицам, как снова затопали лошади возле сарая.

— Здесь… здесь! — закричал знакомый такой

голос. — Куда вы?..

Отлетели снопы в сторону, ворвался свет в щель, и кто-то спросил тревожно и торопливо:

— Вы здесь, товарищ Сергеев?

— Да, да, мы здесь…

И народу кругом сколько взялось откуда-то — командиры, красноармейцы, фельдшер с сумкой, и все улыбались, говорили и кричали что-то совсем невозможное.

— Димка! — захлебываясь от радости, тараторил Жиган. — Я успел… Назад на коне летел… И сейчас с зелеными тоже схватился… в самую гущу… Как рубанул одного по башке, сразу свалился!..

— Ты врешь, Жиган!.. — оборвал его Димка. — Ей-богу, врешь… — А сам смеялся сквозь не высохшие еще слезы.

* * *

…В этот день на деревне бы митинг. С бревен, наваленных возле старостиного дома, говорил мужикам речь незнакомец.

Пришло народу много-много: и старики, и бабы, и, конечно, чуть ли не все ребятишки. С любопытством всматривались, охали, ахали и дивились, как это сумел он, скрываясь под сараями…

Мужики слушали внимательно, потому что говорил он про землю, про помещиков, про мир и про все такое.

И решили все, что хорошо большевик говорит, а главное, про самую сущность, и вздыхали мужики, раздумывая, что скажет, — когда уйдет большевик, — Левка, либо кто придет еще, кроме Левки… И вздыхая, приговаривали:

— Ох, когда ж то наступило б скорей…

— Хиба ж можно, щоб ось такое на земле робилось.

И когда, кончив речь, Сергеев велел поднять руки, кто за Советскую власть, то все подняли разом. И не то чтобы Косаврюк босой, или Григоренко погорелый, или разная там мелкота однолошадная, а все как есть, даже Никита-лавочник, даже Митрофан-староста и даже сам Яков-мельник.

Подивился по простоте душевной такому единодушию старый дед Захарий и сказал своей старухе радостно:

— А побачь, Горпина, уси как исть на одном порешили, о то ж доброе делают.

— О, старый, як дети дурные ты. Сдается мне, що не руки, а кулаки некоторые поднимали. Где такое видать, щоб Никита либо Яков за красных были?..

А Димка тем временем вьюном вертелся всюду. И все какие ни на есть ребятишки дивились на него здорово. И целыми ватагами отправлялись высматривать, где прятался беглец, так что к вечеру, как после стада коров, намята и утоптана была солома возле логова.

Должно быть, большим начальником был недавний пленник, потому что слушались его и красноармейцы и командиры здорово, и написал Димке всякие бумаги и на каждую бумагу печать поставил, чтобы не было ни ему, ни матери, ни Топу никакой задержки.

А Жиган среди бойцов чертом ходил и песни такие заворачивал — только ну! И хохотали над ним красноармейцы и дивились на его глотку здорово.

— Жиган, а ты теперь куда?

— Я, брат, фьи-ить! Даешь по станциям, по эшелонам. Эх, я новую песню петь хорошо у них научился:

Ночь прошла в полевом лазарети,
День весенний и яркий настал.
И при солнечном, теплом рассвети

Маладой командир умирал…[4]

Хорошая песня! Как я спел раз — гляжу: у старой Горпины слезы катятся. «Чего ты, — говорю, — бабка?» — «Та умирал же!» — «Так, бабка, это ж в песне»… Помолчала, а потом и говорит: «А разве мало взаправду?» Вот в эшелонах только которые из товарищей не доверяют. «Катись, — говорят, — колбасой, может, это шарамыжник или шарлатан какой, стыришь що чего…» Кабы и мне какую-нибудь бумагу!

И как раз проходил тут политрук Чумаченко.

— А давайте, — говорит, — ребята, напишем ему взаправду бумажку.

— Напишем, напишем, — подхватили голоса…

И написали ему, что есть он, Жиган, не шантрапа и не шарлатан, а элемент, на факте доказавший свою революционность. Оказывать ему, Жигану, всяческое содействие в пении советских песен по всем станциям, поездам и эшелонам. Точка.

И подписывалось много ребят под этой бумагой — целью пол-листа, даже рябой Пантюшкин, тот, который еще только на прошлой неделе при эскадроне ликвидацию неграмотности устраи-

---

[4] Примечания: 4

Этого куплета песни Жигана в «Звезде» нет, хотя по логике сцены он необходим. Восстановлен по современному каноническому тексту «РВС».

вал, вычертил всю фамилию до буквы. А потом пошли к комиссару, чтобы дал печать. Прочитал он.

— Нельзя, — говорит, — такие документы не выдаются.

— Как же нельзя? Что от ей, убудет ли? Что же, даром старался малый… Пришпандорьте, пожалуйста.

Улыбнулся еще раз комиссар, посмотрел на Жигана.

— Этот самый?

— Самый.

— Ну, уж в виде исключения… — тиснул по бумаге, сразу на ней: «РСФСР», серп и молот.

И такой это вечер был, что давно не помнили поселяне. И чего там говорить, что звезды, как начищенные кирпичом, блестели, или как ветерок играл нежно с расцветающей гречихой… А что на улицах делалось! Высыпали как есть все за ворота… Гоготали красноармейцы, вторили им дивчата звонко, а лекпом Придорожный, завалившись на смолистые бревна перед обступившей его кучкою, наяривал искусно на двухрядке и распевал басом:

— Ты прощай, село родное…

И вдруг раздался в толпе женский плач, горький-горький. Обернулись все, смущенные и рассмеялись. Это Севрюков представлял, как плачут провожающие рекрутов бабы.

— А, чтоб тебе, да тебе и в самом деле юбку надеть! — проговорил кто-то и прибавил к этому еще что-то такое занозистое, что хохотом залились окружающие.

А многие с дивчатами бродили парами и шептались о чем-то потихоньку в тени возле Федорова плетня. С Пелагеевой Манькой Кравченко о чем-то договаривался горячо, постукивая шпорами, и дергал тихонько за рукав и звал ее куда-то.

А Маруська смеялась и только мотала головой…

А отец Перламутрий, высматривая из окошка, заметил все это и пришел в величайшее негодование, а когда увидал, что они и вовсе скрылись где-то за калиткой, отвернулся даже, не будучи в силах взирать на такое беззаконие, и, отвернувшись, подумал с некоторым удивлением: «А ведьма-то… к ней не пошел, а то на, смотри-ка». — И он вздохнул огорченно, припоминая что-то.

А ночь спускалась тихо-тихо, зажглись огоньками разбросанные домики. Уходили до дому старики и старухи. Но долго еще по залитым лун-

ным светом уличкам, по полянкам шумела, смеялась и шепталась молодежь. Долго наигрывал на гармони искусник лекпом, а с ее переливчатыми песнями спорили переливчатыми посвистами соловьи из соседней прохладной рощи.

Утром на другой день незнакомец уезжал из деревеньки с частью отряда. Жиган и Димка провожали их до поскотины. На лугу, возле покосившейся загородки, товарищ Сергеев остановился. Остановился за ним и весь отряд. И перед всем отрядом подозвал он к себе ребятишек, крепко пожал им руки, прощаясь.

— Может быть, когда-нибудь я тебя увижу в Питере, — сказал он Димке. — А тебя... — Он посмотрел на Жигана и запнулся.

— Может, где-нибудь, — неуверенно ответил Жиган.

...У забравшихся на перекладину мальчуганов чуть трепал волосы ветер. Долго они смотрели, как исчезал понемногу отряд, и был Димка доволен, что все так хорошо устроилось, и было ему немножко жаль, что так скоро все кончилось...

— В Питер теперь, тоже интересно...

Жиган не ответил ничего. Ветер чуть-чуть шевелил волосами его лохматой головы, худенькие руки крепко держались за перекладину, а боль-

шие глубокие глаза внимательно уставились в даль перед собой…

На дороге чуть заметной точкой виднелся еще отряд, вот он взметнулся на горку возле Никольского оврага, скрылся и исчез за ним. Улеглось облачко пыли, поднятое копытами над гребнем холма. Проглянуло сквозь него поле под гречихой, и на нем — уже ничего.

(1926)